

Сергей Казначеев

Литературный институт им. А.М. Горького

ЕВРЕЙСКАЯ ТЕМА В ПОЭЗИИ ЮРИЯ КУЗНЕЦОВА

В культурной среде вопросы национального характера относятся к числу наиболее сложных, деликатных и даже взрывоопасных тем. Именно национальное воспринимается особенно болезненно, а потому относиться к обсуждению этого комплекса проблем следует крайне осторожно. Причем, когда дело касается, скажем, русской или восточной темы в творчестве Юрия Кузнецова, это воспринимается вполне спокойно, как бы в порядке вещей. Но когда дело касается присутствия у него еврейского вопроса или подтекста, то сразу же многие слушатели принимают предостерегающую позу, словно само упоминание об этом представляет собой некое табу. Никого не удивила бы такая формулировка для выступления, как «Русская тема в творчестве Иосифа Бродского», а в нашем случае дело дошло до фактического невключения доклада на «опасную» тему в официальную программу конференции и отсутствия его в окончательном сборнике материалов. Создается впечатление, что поэт имел право думать и творить в данном направлении, а вот анализировать им написанное запрещено какими-то тайными, неписанными и неведомыми предписаниями. Однако и сложность, и табуированность избранной здесь темы не отменяет желания высказаться. Именно сложные вопросы и следует обсуждать спокойно и вдумчиво.

Основная оппозиция, которая выстраивается в стихах Юрия Кузнецова на сей счет, хотя и не исчерпывается этим, касается религиозного аспекта: христианство—иудаизм. Не будем скрывать, что симпатии поэта в данном случае на стороне первого вероисповедания.

Я знаю землю, где впотьмах
Горит свеча закона,
За кругом света бродит страх
И слышен рев дракона.

Но есть светлейшая страна
Иной красоты и стати.
Свеча закона там бледна
Пред солнцем благодати¹.

Слова «закон» и «благодать» автор пишет с маленькой буквы, что можно объяснить не только требованиями советской атеистической цензуры, но и личными представлениями автора о том, что речь идет не только о религиозной ипостаси обоих терминов. При этом важно подчеркнуть: он никогда не выступает против ортодоксального, традиционного иудаизма. У него не найдешь выпадов против раввинов и синагоги. Кузнецов с подозрением относится к тому половинчатому местечковому мировоззрению, в котором иудейские обычаи то и дело подменяются ленинизмом, троцкизмом, демократическими догмами, леворадикальной риторикой, что, в конечном счете, превращается в атеизм, самое воинствующее и нетерпимое безбожие.

Истоки такой настороженности, очевидно, во многом лежат в том, что уже при своем вступлении в литературу Юрий Кузнецов немало натерпелся от своих собратьев по перу и критиков, которые то и дело упрекали его в нарушении неписанных нравственных норм («Я пил из черепа отца...» и т.п.). Там, где поэт шел самостоятельным, оригинальным путем, советская идеология усматривала отход от предписанных сверху требований. Кузнецов мужественно воспринимал эти нападки, но не упускал случая решительно ответить на них². В стихотворении, посвященном «В.К.» (нет сомнений, что речь идет о друге и единомышленнике Вадиме Кожинове, который прекрасно видел несправедливость упреков, которых доставало и ему самому) читаем:

Сей день высок по духу и печали.
Меж тем как мы сидим накоротке,
Хазары рубят дверь твою мечами
Так что звенит стакан в моей руке.

Видать копнул ты глубоко, историк,
Что вызвал на себя весь каганат.
Ты отвечаешь: — Этот шум не стоит
Внимания. Враги всегда шумят³.

¹ Ю. Кузнецов: *После вечного боя*. Москва: Советский писатель 1989, с. 4.

² Кстати, большая загадка состоит в том, что Николай Рубцов, которому также нередко доставалось именно за русскость его таланта, фактически прошел мимо этой темы. А вот Николай Тряпкин, напротив, уделил ей более чем достаточное внимание.

³ Ю. Кузнецов: *После вечного боя...*, с. 43.

Иногда Кузнецов высказывался против собственно национального еврейского менталитета: меркантильности, своекорыстия, предприимчивости, противоречащей нравственному закону. В стихотворении *Голубь* поэт рассказывает историю о том, как замоскворецкие мальчишки поймали белого голубя-красавца (не будем забывать, что эта птица — эмблематически восходит к образу Святого Духа) и были готовы повыдергать белоснежные перья, но в дело вмешался прохожий человек и отобрал птицу. Но тут происходит непредсказуемое:

Курчавый Ицек подсказал, как мячик,
И человека начал осаждать:
— Отдайте мне!
— Зачем тебе он, мальчик?
— Поймите! Я бы мог его продать!

Звенело что-то в голосе такое
Глубокое, что вздрогнул человек.
— Пускай летает! — и взмахнул рукою.
— Пускай летает! — повторил навек⁴.

В некоторых случаях Кузнецов касается философских моментов прошлых веков. В стихотворении *Превращение Спинозы*, например, он, как глубоко верующий православный человек, в ироническом ключе переосмыслил пантеистическую концепцию этого ученого:

Смотрел загадочно Барух,
Шлифуя линзы быта,
Как пауки ловили мух
В глазах звезды Давида.

Из всех ее шести углов,
Из тупиков унылых
Собрал философ пауков
И в банку поместил их.

Друг друга жрали пауки.
Задумался философ.
Но были мысли далеки
От мировых вопросов.

Нюх щекотал кровавый дым —
Паучий бой кончался
В нечистой склянке перед ним
Один паук остался.

⁴ Там же, с. 39.

Была разгадка так близка.
Философ не сдержался
И превратился в паука,
И в банке оказался.

Остался жив один из двух,
Один пожрал другого.
Но знать, кто был из них Барух,
Нет смысла никакого⁵.

Нужно сказать, что описанная тут история имеет реальную подоплеку, и, помня о фантастической начитанности Кузнецова, можно утверждать, что он отталкивался именно от факта, описанного биографом философа Колерусом.

В некоторых случаях в поэзии Кузнецова символика настолько сложна и многозначна, что говорить о принадлежности к теме этого выступления можно лишь условно. Мне, например, неоднократно доводилось слышать о том, что поэма *Змеи на маяке* или стихотворение *Двуединство* также обладают соответствующим подтекстом, но утверждать это с уверенностью не берусь.

Тревожнее другое. В отдельных случаях, на мой взгляд, поэт выходил за рамки классической традиции и высказывался излишне жестко и несправедливо. В миниатюре *Число* встречаемся с такой фразой:

Змей этот смотрит косо,
Древнюю копит месть.
В профиль подряд три носа —
666⁶.

Все-таки ставить в упрек физиономические особенности людей (подобно тому, как у Мандельштама «пальцы, как черви жирны», «широкая грудь осетина») — не самый эффективный приём. Дискредитация на этом уровне неубедительна. В другом случае (стихотворение *Рогатка*) мы сталкиваемся с ситуацией, о которой читаешь с самым тяжелым чувством. Нелегко даже цитировать подобные строки, но будем твердыми:

«Айда, ребята, бить жидов!» —
Я помню этот клич едва ли.
Обыкновенных воробьев
У нас жидами называли...

⁵ Там же, с. 47.

⁶ Там же, с. 30.

Я из рогатки бил жидов,
Они о том не забывали. —
Бывало, встречу воробьев
Фьюить! И поминай как звали⁷.

Здесь бросается в глаза не только откровенная грубость тона, но и эти самые мальчишки, которые безжалостно расстреливают ни в чем не повинных птах. Как-то все это не в традициях русской литературы. Достаточно вспомнить пронзительные строки Николая Рубцова, посвященные одному из тех воробышек, которых лирический (если его здесь можно так назвать) герой Кузнецова беспощадно расстреливает из рогатки:

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...⁸

Стоит ли говорить о том, что позиция Рубцова здесь гораздо человечнее, великодушнее и мудрее! Хотя справедливости ради скажем, что, по нашим сведениям, сам Кузнецов стихотворения *Рогатка* при жизни не печатал. Кроме того, приведенные примеры некоторой неделикатности в обращении с опасной темой являются отнюдь не правилом, а скорее исключением из общей тенденции.

Наоборот, в последние годы поэт очень много времени и сил уделял именно библейской традиции и написанная им *Христова колыбельная* принадлежит к числу проникновеннейших сочинений этого жанра, а вся поэма *Путь Христа* рисует быт и нравы жителей Святой земли с большой теплотой и симпатией:

— Рано ты встал! — Мать погладила сына рукой,
Нежная ласка навевала тихий покой.
Звон топора раздавался на тихом закате:
Плотник Иосиф рубил колыбель для дитяти.
Мать спеленала дитяти в тридевять земель,
Мать уложила дитяти в постель-колыбель,
Мать напевала ему колыбельную песню,
И растекалась она по всему поднебесью⁹.

⁷ Ю. Кузнецов: *Крестный ход*. Москва: Сова 2006, с. 412.

⁸ Н. Рубцов: *Стихотворения (1953–1971)*. Москва: Советская Россия 1977, с. 183.

⁹ Ю. Кузнецов. *Крестный ход...*, с. 489–490.

В Евангелии не говорится о том, что Богородица поет для своего Сына колыбельную, но если подумать логически, по-житейски — что и делает поэт — если она мать, то уж наверняка пела. И, по-видимому, делала это с огромной нежностью и любовью:

Солнце встанет над землею,
Засияет все кругом.
Спи, родимы, Бог с тобою.
Не тревожься ни о чем.
Дух Святой надеждой дышит,
Святость веет, как в Раю,
Колыбель твою колышет...
Баю-баюшки-баю¹⁰.

Более того, именно эта простая бытовая подробность тонко и ненавязчиво вводит мотив противостояния Нового Завета (с его мягкостью, добротой и душевностью) — Ветхому, суровому и твердому в каждодневной канонической обрядовости. Поэма Кузнецова *Путь Христа* во многом и строится по принципу диалектической связи и противоречий, существующих между двумя вероисповеданиями. Даже в части, повествующей о детстве Спасителя, находится место для этой концептуальной контаминации:

Пять ему минуло лет в захолуственном местечке.
Мальчик в субботу трудился на солнечной речке.
Вылепил глиняных птичек, а дети глядят.
Птички как будто живые — вот-вот улетят.
Это увидел сосед и, моления бросив,
Стал колотить в бедный дом, где трудился Иосиф.
— Слушай, Иосиф, что выкинул мальчик опять,
Вылепил птичек и хочет, наверно, продать.
Тяжко подумать. И это в святую субботу!
Несусветимо! И нет на него укороту, —
Бедный Иосиф на речку пошел и, узрев
Несусветимое, впал против сына во гнев.
Мальчик не слушал, глаза его странно блестили.
— Птицы, летите! Он крикнул, и те улетели¹¹.

В этом фрагменте нетрудно усмотреть внутреннюю переключку с историей о голубе, а в противопоставлении юного Иисуса и курчавого Ицэка — ту же упомянутую оппозицию христианской и иудейской веры. Более того, как представляется, осознанно или подсознательно,

¹⁰ Там же, с. 490.

¹¹ Там же, с. 492.

автор возвращается к теме *Рогатки* и пусть не явно, но слегка завуалированно раскаивается в истреблении невинных птиц. Мальчик, будущий Христос, оживляя и одухотворяя вылепленных птиц, тем самым дает искупление еще одой, быть может, не такой существенной, но важной жертвы.

И дальнейшая судьба Христа, излагаемая поэтом на основе Четвероевангелия и апокрифических текстов, являет собой исследование все той же насущной проблемой, которая на протяжении всей жизни волновала и тревожила Юрия Кузнецова:

Слух о Христе до высоких ушей долетел.
 Первосвященник последним лицом пожелтел,
 Хоть и подумал сначала, что это ослышка...
 — Он от Закона отпал, как от стебля кубышка!
 Сей человек на себя очень много берет,
 Ибо свобода его заражает народ...
 Люди Закона желали меча, а не мира.
 Жертва горит, и молитвы лоснятся от жира¹².

В этом контексте особенно важны высказывания о свободе, которая всегда имела для Юрия Кузнецова первостепенное значение. Как известно, на сочинение поэмы о Христе он получил благословение высоких иерархов Русской православной церкви. Но, будучи человеком в высшей степени творческим, воспользовался правом свободно и по-своему изложить собственный, глубоко личный взгляд на библейские события. За эти вольности поэт получил немало нареканий как от собратьев по перу, так и особенно ревностных адептов канонической веры. Кузнецов мужественно, стоически переживал эти упреки, хотя обвинения в гордыне, в еретическом переосмыслении постулатов христианства сыпались, как из рога изобилия. Поэт понимал, что князь мира сего настолько искушен и искусен, что способен рядиться даже в монашеское и священническое одеяние. В одном из последних произведений — диалоге *Поэт и монах* — протагонист Кузнецова, поэт, выдерживает тяжелейший прессинг некоего святоши, который под личиной скромного инока скрывает дьявольские поползновения ограничить человека и его творчество буквально во всем. В финале стихотворения искуситель рассыпается в прах и исчезает. Но в жизни получилось иначе: этот мир внезапно и непостижимо оставил безвременно умерший поэт. Как знать, не подтолкнули ли его к роковой черте многочисленные упреки и обвинения в гордыне, святотатстве и себялюбии? Вопрос этот требует отдельного, тщательного исследования.

¹² Там же, с. 540.

Нельзя сказать, что комплекс вопросов, связанных с проблемами соотношения христианства и иудаизма, русской и еврейской эстетики в творчестве русских писателей до сих пор оставался вне поля зрения специалистов. Так или иначе, к этой теме приближались такие литературоведы и критики, как Кирилл Анкудинов, Виктор Бараков, Владимир Бондаренко, Александр Дорин, Владислав Зайцев, Вадим Кожин, Геннадий Красухин, Марк Липовецкий, Юрий Павлов, Сергей Чупринин и др.¹³ Любопытны в этом отношении также изыскания польского исследователя Францишека Апановича¹⁴. Однако, следует отметить, что в большинстве случаев разговор касался, главным образом, религиозной составляющей, тогда как национально-бытовой аспект этой взрывоопасной проблемы также представляет собой содержательный массив материала и крайне важный теоретический концепт.

Это обстоятельство признают и специалисты по религиозному компоненту в творчестве Юрия Кузнецова. Так, например, автор подробной монографии Нина Ильинская делает характерный и показательный вывод:

Таким образом, возрождение народной веры, ее истоков, обращенность к Богу как к Богу своего народа, к религиозным источникам, хранящим память о Русском Христе позволяют констатировать тип сознания Ю. Кузнецова, как национально-религиозный¹⁵.

Siergiej Kaznaczejew

TEMAT ŻYDOSTWA W POEZJI JURIJA KUZNIECOWA

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest trudnemu aspektowi twórczości wybitnego rosyjskiego poety Jurija Kuzniecowa. Badacze rzadko podejmują tę kwestię, co skutkuje tym, że stanowi ono jedną z najslabiej rozpoznanych w spuściznie poety. Autor zmierza do obiektywnego

¹³ *Н.М. Рубцов и Православие*. Москва: Издательский дом фонда «К единству!» 2009; сборники нескольких конференций, посвящённых наследию В.В. Кожина (Армавир). Обозначенным вопросам были посвящены некоторые выступления на конференции *Юрий Кузнецов и христианский мир* в Литературном институте им. А.М. Горького (февраль, 2012).

¹⁴ Ф. Апанович: *О некоторых особенностях образа России в стихотворениях Юрия Поликарповича Кузнецова*. В кн.: *Юрий Кузнецов и Россия. Материалы четвертой ежегодной международной конференции, посвященной творческому наследию Ю.П. Кузнецова*. Сост. Г. Дубинина, Е. Богачков. Москва: Издательство Литературного института им. А.М. Горького 2011, с. 154–168.

¹⁵ Н. Ильинская: *Между миром и Богом: духовные и художественные искания Юрия Кузнецова*. Херсон: Айлант 2008, с. 20.

i precyzyjnego opisu tego skomplikowanego problemu. Tezy interpretacyjne są tu bardzo starannie powiązane z materiałem egzemplifikacyjnym.

Sergei Kaznacheev

THE PROBLEM OF JEWS IN YURI KUZNETSOV'S POETRY

Summary

The present paper is devoted to a complex aspect of the creative work of the outstanding Russian poet of modernity Yuri Kuznetsov. Researchers have not often referred to this topic, and it refers to the number of little-investigated the pages of the creative heritage of the poet. The author of the article managed to objectively and accurately accents in a complex matter. Conceptual provisions are organically illustrated by the quotes.